

А. ЭВИНГТОН

«МНЕНИЕ ВО СНОВИДЕНИИ О ФРАНЦУЗСКИХ ТРАГЕДИЯХ» СУМАРОКОВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВКУСЕ

«Мнение во сновидении о французских трагедиях» А. П. Сумарокова, опубликованное посмертно, сочетает в себе несколько жанров, от вольтеровской «критики вкуса» («critique de goût») до личного письма, адресованного напрямую фернейскому философу.¹ В данной работе я стремлюсь расширить наше понимание загадочного сумароковского «Мнения...», рассматривая его в контексте так называемых снов, небольших литературных повествований XVIII в., рассказывающих о виденном во сне. Этот своеобразный жанр оформился в эпоху Возрождения, с присутствием ей интересом к психологии, а вместе с ней к роли и значению снов.

«Мнение...» Сумарокова, как было показано мною в других работах, во многом основывается на «Commentaires sur Corneille» («Комментарии к Корнелию») Вольтера.² Как и его наставник, русский писатель приводит ряд образцовых отрывков, давая им содержательную оценку. И так же как у Вольтера, критика Сумарокова не опирается ни на правила, ни на авторитет Древних, а исходит из его собственного безупречного, самим им провозглашенного авторитетным, но в то же время загадочного вкуса. При публикации «Мнения...» в Полном собрании всех сочинений Сумарокова Н. И. Новиков указывает на жанровую особен-

¹ Сумароков А. П. Мнение во сновидении о французских трагедиях // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 4. С. 327—356.

² Ewington A. A Voltaire for Russia: A. P. Sumarokov's Journey from Poet-Critic to Russian Philosophe. Evanston, 2010. P. 60—73.

ность этой прозы, также связывая ее с Вольтером: «Сие Мнение кажется писано покойным сочинителем к г. Волтеру». Действительно, данное сочинение, не представляя собой письма в настоящем смысле, производит все же эпистолярный эффект, обеспеченный повторяющимся в нем обращением к Вольтеру. Таким образом, «Мнение...» может рассматриваться как желанное для Сумарокова продолжение переписки с французским философом 1769 г. — событие, о котором он рассказывал любому, кто только готов был слушать.³

Несмотря на то что Сумароков был обязан Вольтеру идеей произведения, он несколько отходит от модели своего вдохновителя, создавая иллюзию пьесы внутри пьесы. Сумароков выступает в роли парижского зрителя и овладевает вниманием читателя, обнаруживая свой вкус в непосредственных откликах на трагедии Корнеля, Расина и Вольтера, произносимых им из желания зарекомендовать себя подлинным ценителем, «*homme de goût*».⁴ Еще не упомянутый нами ключ к пониманию текста лежит как на ладони: уже в названии «Мнения...» указывается, что оно — сон.⁵

На страницах русских журналов XVIII в. было напечатано множество снов; однако, несмотря на это, изучены они на удивление плохо. Внимание к ним до сих пор было связано с интересом к аллегорической сатире и утопии.⁶ Как показал Г. И. Сенников, среди заявок на публикацию в «Ежемесячных сочинениях» от января 1755 г. значились разнообразные установившиеся жанры, включая сны, которые ставили в один ряд с притчами/баснями и аллегорическими повестями.⁷ Российское обыкновение относить сны к аллегориям отражает западноевропейские веяния эпохи. В своей статье «*Le rêve dans les hebdomadaires moraux*» Вильгельм Грабер отмечает, что 1750-е гг. отмечены широким рас-

³ Ibid. P. 47—51.

⁴ Ibid. P. 69—72.

⁵ Возможно, Н. И. Новиков как редактор Полного собрания всех сочинений Сумарокова дал название тексту, поскольку работа была опубликована посмертно.

⁶ Обзор сатирических «сновидений» см.: Сенников Г. И. О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1974. Вып. 1: От классицизма к романтизму. С. 66—74. Краткое обсуждение «утопических эпизодов», в том числе литературных сновидений, в панегирической литературе той эпохи, см.: Baehr St. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Palo Alto: Stanford University Press, 1991. P. 115.

⁷ Сенников Г. И. О сатирических «снах»... С. 67.

пространением литературных снов в немецких, французских и итальянских журналах, что это увлечение в свою очередь восходит к более ранним английским изданиям «*Tatler*» и «*Spectator*».⁸ Сон в литературе XVIII в. исследователь определяет как «микрожанр», выделяя при этом некоторые ключевые его характеристики: 1) рассказчик-сновидец обычно начинает с упоминания события или прочитанной им литературы, вызвавших сновидение, и уже затем обозначает тему; 2) в своем сне рассказчик принимает гостя, а чаще совершает путешествие в другую страну или даже на другую планету; 3) сон основывается на мифологических или аллегорических понятиях, чем подчеркивается разница между «*être*» (быть) и «*paraître*» (казаться). Таким образом, сон «разоблачает» суровую действительность, избегая при этом нападок *ad hominem* (на лица) и не касаясь политических вопросов; 4) поскольку пируэты воображения часто носят причудливый характер — путешествия на Марс, визиты богинь — на каждом этапе развития действия читатель помнит, что сон — это литературная игра; 5) сны часто завершаются пробуждением героя и его размышлениями о значении увиденного.⁹ По словам В. Грабера, аллегорические сны-утопии встречаются в европейском контексте чаще, чем сатирические. Заметим, что с русскими снами было не так. По поводу проблемы красоты и вкуса английский исследователь отмечает, что «*peu de rêves traitent de sujets aesthetiques*» («немногие сновидения обращаются к эстетическим темам»), — наблюдение, которое следует иметь в виду при рассмотрении «Мнения...» Сумарокова, где основное внимание сосредоточено именно на эстетической теме.¹⁰

Сумароков сочинил пять литературных сновидений за короткий промежуток времени, в течение двух лет, в 1759—1760 гг. Наиболее известное из них — «Сон. Счастливое общество» 1759 г., которое принято рассматривать как не самую тонкую критику Елизаветинского царствования, а одновременно программу политики будущей императрицы Екатерины II.¹¹ Уже пер-

⁸ Graeber W. Ces songes méthodiques qu'on ne trouve que dans les livres'. Le rêve dans les hebdomadaires moraux // The Dream and the Enlightenment/ Le rêve et les lumières / Ed. B. Dieterle, M. Engel. Paris, 2003. P. 208—209.

⁹ Ibid. P. 207—214.

¹⁰ Ibid. P. 220.

¹¹ См.: Baehr St. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. P. 135. Текст «Сон. Счастливое общество» впервые был опубликован в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (Декабрь, 1759. С. 738—747), перепечатан в его Полн. собр. всех соч. (М., 1781. Т. 6. С. 384—390).

вые строки подтверждают его принадлежность к литературным сновидениям XVIII в.: «Заснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может. Был я в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние».¹² Перед нами путешествие во сновидении, утопическая аллегория. Стоит отметить, что повторения слов «мечта»/«мечтательный», по-видимому, следует тенденции объединения «rêve» (сна, мечтания, грезы) и «songe» (сна, сновидения), распространенной в то время во Франции.¹³ В подтверждение тому сон заканчивается оптимистичным утверждением с использованием самого термина «сон», что было и в названии: «Дай Боже, чтобы сны, подобные сну сему, многим виделись, а особливо наперсникам Фортуны».¹⁴ Дидактическое послание аллегорического сновидения лишено упоминаний о российских реалиях, однако читатель может с легкостью прочесть между строк и критику, и предложения рассказчика-сновидца.

В отличие от сочинения «Сон. Счастливое общество» четыре других сна Сумарокова, написанные всего несколькими месяцами позже, остаются пока без внимания исследователей. Все четыре сна выстраиваются в некое подобие литературному циклу. Их объединяет раздражение к безымянному откупщику, называемому позднее Сумароковым и иноплеменником, и подьячим, чье невежество, жадность и нелепость представляют угрозу развитию русского языка и письменности.¹⁵

За исключением первого сна, свободного от общих тенденций и вместо прозаического рассказа заключенного в форму короткого сатирического стихотворения, остальные три сна сохраняют ключевые элементы жанра сновидения. Так, в них называется событие, давшее начало сновидению (во всех трех снах

¹² Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Т. 6. С. 384.

¹³ Engel M. The Dream in Eighteenth-Century Encyclopedias // The Dream and the Enlightenment/Le rêve et les lumières. P. 33, n. 23.

¹⁴ Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 6. С. 390.

¹⁵ В примечании к нему П. Н. Берков указывает, что оно появилось вместе с другими стихотворениями, направленными против одного определенного, но не названного лица. Это был плохо скрытый выпад против известного человека, и, вероятно, с этим связано, как предполагает ученый то, что страница журнала «Полезное увеселение» с этим стихотворением была изъята в некоторых экземплярах журнала (см.: Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. Избр. произведения / Подгот. текста, примеч., вступ. статья П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 563 (Б-ка поэта).

это обида Сумарокова на пренебрежение к его театральной деятельности); в них представляются потустороннее путешествие или визит; после пробуждения сновидец размышляет о том, что он хотел бы подробнее осветить свой сон о путешествии на Луну, но его бюрократические недоброжелатели стоят на пути этого замысла, создавая трудности для публикации. Несмотря на перечисленные черты, традиционные для данного жанра, сновидения Сумарокова 1760 г. заметно отличаются от сновидения «Сон. Счастливое общество». Например, в них создается как бы аллегорический занавес, хотя имена врагов, на которых нападает во сне автор, не названы, сами они помещены в привычную обстановку российской бюрократии и потому узнаваемы. Во снах события трактуются самым разнообразным образом. Так, в одном из них Мельпомена решает взять в свои руки составление челобитной против грубого подьячего, который смеет раздражать и отвлекать поэта от написания трагедий. Вероятно, не случайно в начале этих двух снов поэт-сновидец переживает визит музы трагедии. Явление Мельпомены напрямую связывает эти сны с «Мнением во сновидении о французских трагедиях».

Недатированное сумароковское «Мнение...», как и два ранее опубликованных сна, рассказывает о ночном посещении Мельпомены. Кроме этого общего события три этих сна объединяет причина ночных видений: сны вызваны выстраданным решением поэта перестать писать трагедии. Однако, несмотря на явную связь со снами 1760 г., «Мнение...», вероятно, написано позднее, в середине 1770-х гг. Датировка основывается на осязательном влиянии вольтеровских «Комментариев к Корнелю» (*Commentaries sur Corneille*) редакции 1774 г., предполагаемому времени написания соответствует элегическое настроение произведения, характерное для позднего Сумарокова.

Прочтение «Мнения...» в контексте снов Сумарокова 1759—1760 гг. обнаруживает включенное в него рассуждение о снах, относящееся, вероятно, к концу 1760-х гг. «Мнение...» открывается определением места действия:

«Разные обстоятельства отвратили меня вечно от Театра. Легче было мне расстаться с Талией, нежели с прелюбезною моею Мельпоменою; но я ныне и о ней редко думаю, не для того что она мне противна, но что очень мила, а о той любовнице, которая мила паче жизни, по разлучении воспоминати мучительно. Но кто от мучительного сновидения спастися может? Востревожил меня сон и извлек из очей моих во время своего продолжения

слезы. Был я сновидением на театральных представлениях парижских и видел некоторые трагедии так живо, как на яву».¹⁶

В работе «Сон в энциклопедиях XVIII века» Манфред Энгел прослеживает расцвет того, что сам он именует «экстралитературным» дискурсом о сновидениях в эпоху Просвещения. При этом он отмечает оживленную среди образованного общества дискуссию, позднее заполнившую страницы доступных энциклопедий и словарей, в том числе «*Dictionnaire philosophique*» (Философский словарь) Вольтера 1764 г. Он выявляет странную закономерность: с развитием философского обсуждения сновидений число аллегорических, утопических и сатирических литературных снов снижается.¹⁷ Новый научно-философский дискурс поставил под угрозу ценности ранней эпохи Просвещения — порядок, ясность, разум и гармонию. Это вызвало появление новых, сбивающих с толку ответов на вековые вопросы о взаимоотношениях разума, психологии и физиологии. Как отмечает Энгел, несмотря на некоторое смятение, этот развивающийся дискурс вдохновил писателей обратить внимание на ранее игнорируемый или недооцененный ими потенциал сновидений, их фантастичность, не отменяющую однако их «эвристической ценности для исследования психологических процессов».¹⁸

«Мнение во сновидении» Сумарокова стоит рассматривать в контексте этого дискурса и также в связи с переломным моментом в истории жанра сна. Русский текст сохраняет черты более ранних литературных снов, но одновременно отражает новые тенденции. В сравнении с ранним аллегорическим сочинением «Сон. Счастливое общество» и следующими за ним сатирическими снами «Мнение...» предстает глубоким разносторонним произведением. Оно написано в соответствии с требованиями жанра, как и положено снам, начинается с описания от первого лица первоначального импульса сновидения. Как и в более ранних снах с участием Мельпомены, в нем также появляется Муза

¹⁶ Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 4. С. 327.

¹⁷ Энгел сообщает, что растущий интерес к сновидениям совмещался с возрастающим скептицизмом в адрес их ценностей, который господствовал в экстра-литературном дискурсе о сновидениях. Не все авторы оказывались на высоте положения. Многие из них оставались в целом верны старой традиции сверхъестественного сна или риторического использования мотива сна (в сатирических произведениях, притчах, утопиях, или фантастических путешествиях, замаскированных под сновидения). *Engel M. The Dream in Eighteenth-Century Encyclopedias*. P. 47.

¹⁸ Ibid.

трагедии. Она включается в сон драматурга, узнав о его решении оставить драматическое творчество. Таким образом, «Мнение...» начинается с визита, а это также канонический элемент аллегорического сновидения. Затем происходит необходимое путешествие. Однако вместо путешествия на Луну или в утопическое будущее герой переносится в узнаваемую, современную локацию — парижские театры. Посредством замены фантастического путешествия в космос на простое европейское путешествие в сновидении осуществляется совершенно земная мечта: мечта о поездке в Париж. В «Мнении...» нельзя не увидеть связи с планами Сумарокова собственного путешествия, изложенными им императрице и опубликованными в Полном собрании всех сочинений в форме статьи «О путешествиях». Из нее мы узнаем, что писатель делал запрос на государственное финансирование своей поездки в Европу, в том числе в Париж, на два с половиной года, итогом которой должны были стать заметки путешественника для просвещения соотечественников.¹⁹ Сумарокову так и не удалось совершить этого путешествия. Текст «Мнения...» можно рассматривать как исполнение его мечты.

Другое новаторство «Мнения...» прослеживается в его свободе от дидактики, вопреки традиции снов здесь нет нравоучений. Это связано с тем, что в отличие от других сновидений данное произведение посвящено не моральным, а эстетическим правилам. Текст исследует, а одновременно моделирует литературный вкус. Это происходит путем наблюдения за реакцией поэта на признанные образцы французской трагедии в «реальном времени», как мы называем это сегодня. Поэт при этом является очевидцем, сновидцем и повествователем одновременно.

Непосредственные отклики на поставленные на сцене пьесы составляют очень интересную черту «Мнения...» Сумарокова: воплощение его эстетической проницательности. Тело сновидца остается крайне восприимчивым к тончайшим эстетическим нюансам. В самом начале он предупреждает нас о сильнейших ощущениях, вызванных сновидением — ощущениях, которые он называет «мучительными». Он предполагает, что сны влияют на нас бодрствующих настолько сильно, что «нам не спастись от них».²⁰ Зритель должен быть готов к слезам и страданиям. В на-

¹⁹ См.: Сумароков А. О путешествиях // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 9. С. 369—373.

²⁰ «Но кто от мучительного сновидения спастись может?» (Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 4. С. 327).

чале «Мнения...» главное внимание уделено сну, видению (*сон, сновидение, видел, очи*), а также телесному беспокойству сновидца (*встревожил, живо, как наяву, слезы*).

Внимание Сумарокова к физическому телу, которое не только остается в состоянии активности, но и становится в состоянии сна повышено восприимчивым, заставляет вспомнить работы философов, в том числе Вольтера, исследовавших психологию сна и связь физического тела и разума в состоянии сновидения. Дидро, как известно, посещал Россию в 1773—1774 гг. (приблизительно в то самое время, когда, по нашему предположению, было написано «Мнение...»). К тому моменту он опубликовал свои «Salons» («Салоны») (1767) и завершил «Rêve d'Alembert» («Сон Д'Аламбера»), которая, хоть и была опубликована много позднее, была написана в 1769 г. и распространялась еще в виде рукописи. Как пишет Жак Шуйе в своих размышлениях о «Salons» Дидро, философ настаивает, что иногда мы испытываем больше эмоций во сне, чем наяву.²¹ В чем причина? Опираясь на теорию Дидро о снах, Шуйе конкретизирует: «Voici le moment capital, celui or enfin Diderot aborde la théorie du rêve. Deux états, deux systèmes de fonctionnement. En état de veille, c'est la tête qui commande. En état de sommeil, ce sont les organes». (В этом заключается важнейший момент, к которому подходит Дидро в своей теории о сновидениях. Два состояния, две функционирующие системы. В состоянии бодрствования чувства контролируются разумом. В состоянии сна — органы предоставлены сами себе).²² Превосходство тела над разумом во время сновидений усиливает подчинение рассудка чувствам, что в свою очередь является центральным фактором для Сумарокова, перенимающего учение о вкусе Вольтера. Именно явность, физичность реакций Сумарокова подтверждают, что он человек вкуса, а не монотонный доктринер. Его ответ Вольтеру в «Мнении...» после просмотра пьесы Корнеля «Родогуна» демонстрирует в пространстве сновидений переворот иерархии разума и плоти: «А что сии стихи вашей критике подверглись, так я того не порочу, ибо я и сам еще и до ваших примечаний того же мнения; но восхищенное мое ими сердце, всю мою на них критику преодолело». ²³ Его частых и отчаянных рыданий оказывается недостаточно для изображе-

²¹ Chouillet J. La poétique dans les *Salons* de Diderot // Stanford French Review. 1984. N 8. P. 254.

²² Idid. P. 255.

²³ Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 4. С. 331.

ния театральных впечатлений. Он фиксирует: «Волосы на мне дыбом, сердце затрепетало, замерло» после просмотра «Ифигении» Расина.²⁴ А после «Федры» — «во мне от восхищения вся возволновалась кровь».²⁵

Рассмотрение «Мнения...» в контексте размышлений и споров о жанре сновидений позволяет увидеть ранее незамеченную сторону этого произведения. Возможно, она является главной в замысле Сумарокова. Сон позволяет откровенно и непосредственно выражать свои вкусы. Именно состояние сна, дающее телу превосходство над разумом, в ходе повествования проясняет эстетическое восприятие героя. Его заявления о величии тех или иных пьес, авторов, сцен или даже отрывков основаны не на рассудке, но на вкусе — способности к критике, которая обходит стороной наш разум и проявляется в сонном подрагивании наших тел.

²⁴ Там же. С. 339.

²⁵ Там же. С. 340.